

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ПЯТАЯ

**„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925 г. — ЛЕНИНГРАД**

Е. БЕРТЕЛЬС

БЕХАИТ ОБ ИСТОРИИ БЕХАИЗМА

Хотя учение, известное под названием бехаизма, существует и развивается уже восемьдесят лет, однако до настоящего времени на Востоке не делалось ни единой попытки дать связанное и обстоятельное изложение его истории. Все выходявшие до сих пор на Востоке книги по этому вопросу захватывают обыкновенно сравнительно небольшие периоды истории этого движения и дают ее в крайне сжатой форме, отличаясь неполнотой и неточностью.

Этот пробел теперь, наконец, дополнен вышедшей в текущем году книгой некоего мирзы Абд-вл-Хусейна Аварэ ¹⁾, представляющий собой первую попытку на Востоке дать по возможности полную и связанную историю бехаизма, начиная с момента его возникновения, т. е. первых провозвестников, шейхитов, в роде Ахсаи и Казыма Решти, и до наших дней. Автор рассказывает в предисловии к первому тому, что как-то раз ему пришлось встретиться на Востоке с одним французским востоковедом, которого, как он говорит, „хотя и нельзя считать первоклассным ученым, но безусловно можно причислить ко второму разряду“. Из дальнейшего явствует, что автор имеет в виду Ипполита Дрейфуса, ориенталиста, своими работами по изучению бехаизма оказавшего большое содействие распространению в Европе сведений об этом интереснейшем явлении. В разговоре ученый этот указал автору на то обстоятельство, что на Востоке не имеется никаких исторических работ по бехаизму. Аварэ возразил, что такие труды есть, и сослался на доступный европейскому читателю в английском переводе проф. Э. Брауна „Рассказ путника“. Дрейфус заметил, что книга эта ему известна, но что она охватывает сравнительно весьма небольшую эпоху и поэтому совершенно не отвечает требованиям момента. Этот разговор произвел на Аварэ большое впечатление. Убедившись в правоте французского востоковеда, он решил восполнить пробел, использовать то обстоятельство, что пока еще есть много очевидцев, помнящих самих основателей этого учения, собрать все материалы, какие только окажется возможным добыть, и составить полную и детальную историю

¹⁾ Mirza Abd-al-Husain Aware. Al-kewakib ad-durriya fi ma'athir al-baha'iya. (Блisterные звезды в достопримечательностях бехаистов). Каир. 1924. 2 тома. 524 + 344 стр.

бехаизма. Результатом этих трудов и явилась настоящая двухтомная история, второй том которой вышел в Каире 29 января 1924 г.

Как рассказывает автор, он провел в путешествии двадцать два года, объездил весь Иран, Кавказ, Туркестан, Турцию, Сирию, Палестину, Египет и часть Аравии, посетил свыше 150 бехаитских центров в Иране и 50 таких центров за границей и всюду неутомимо собирал сведения по истории этого движения. Правда, он скромно замечает, что не претендует на звание историка, что работа его не может быть названа окончательной и исчерпывающей, она, по его мнению, только географическая карта и путеводитель для того историка, который захочет дать настоящую беспристрастную и справедливую летопись бехаизма. Он вспоминает об Абд-ал-Мелике ибн-Мерване, который на вопрос, почему он так рано состарился, ответил, что его стан согнули не бои и не тяжесть меча, а копья каламов и мечи языков, и говорит, что тому, кто сам находится в водовороте столь важных для всего Востока событий, трудно быть нелицеприятным судьей и невозмутимым хронографом. Однако надо заметить, что это утверждение в значительной степени должно быть отнесено на долю скромности автора. Книга его отнюдь не собрание необработанных материалов; это вполне продуманный и носящий отпечаток индивидуальности и личных воззрений автора труд. Но, прежде чем перейти к оценке его книги, я считаю полезным в нескольких штрихах набросать картину возникновения бехаизма, ибо русская литература по этому вопросу не очень богата, а иностранная не всегда под рукой у читателя.

Как известно, историческим днем, знаменующим начало движения, бехаи считают 23 мая 1844 г., день, когда мирза Мухаммад Али Ширазский объявил себя Бабом-Вратами, через которые миру возвещается истина. Учение его было встречено великим энтузиазмом близко стоявших к нему людей и вскоре начало шириться и распространяться в Персии. Мусульманское духовенство не могло допустить подобного подрыва своего влияния и подвергло бабидов, сторонников нового учения, жесточайшему преследованию, приведшему к расстрелу Баба в Тавризе 9 июля 1850 г. и зверскому избиению целого ряда его соратников.

Еще при жизни Баба среди последователей его выдвинулся некий мирза Хусейн Али из Нура в Мазендеране, получивший впоследствии широкую известность под почетным прозвищем Беха Улла. Несмотря на его выдающееся положение среди бабидов, ему удалось ускользнуть от рук фанатичных преследователей, и после казни Баба он продолжал жить в Персии вплоть до 1852 г., когда один из бабидов, некий Садик, желая отомстить за убийство любимого учителя, произвел покушение на жизнь шаха Насир-ад-дина. Садик был убит самым жестоким образом, а Беха Улла, проживавший в это время в Шимиране, одном из предместий Тегерана, был схвачен по подозрению в соучастии. Расследование показало, что он не только не принимал участия в покушении, но даже и не знал о нем; к этому присоединилось заступничество русского посла в персидской столице, и в конце концов правительство пришло к выводу, что Беха Улла необходимо освободить из заключения. Однако оставить его в Тегеране казалось опасным, и поэтому его выслали осенью того же года в Багдад. Интересно отметить, что английский генеральный консул в Багдаде, видимо, прекрасно учел значение, которое должен был в дальнейшем приобрести на Востоке Беха Улла, и настойчиво предлагал ему перейти в британское подданство. Но Беха Улла отклонил это предложение и покорно подчинился своей судьбе. С этого момента начинается период его скитаний по османской империи. Из Багдада он переезжает в Константинополь, откуда, по призыву персидского посла, его высылают в Адрианополь.

К этому периоду относится раскол нового движения на два течения: прогрессивное, возглавляемое Беха Улла, и консервативное, под главенством его сводного

брата, мирзы Яхьи, прозванного Субх-и Азаль (Предвечное Утро)¹⁾. Субх-и Азаль проявил необычайное упорство и жестокость в попытках устранить своего великого брата и не остановился даже перед покушением на отравление его. Увидев, однако, что все его происки бесплодны, он прибег к доносам и добился того, что Беха Улла был сослан в Акку и заключен там в крепость, как вредный и опасный в политическом и религиозном отношении человек. Это произошло в 1868 г., и Беха Улла полных два года провел там в самых ужасных условиях. Каковы были эти условия, видно уже из того, что один из сыновей его, мирза Махди, не выдержав тягот такой жизни, прибег к самоубийству и бросился с крепостной стены во двор. В 1870 г. крепость понадобилась для расквартирования солдат, и Беха Улла с близкими и друзьями получил разрешение поселиться в Акке в частных домах. Там он и оставался до самой смерти (28 мая 1892 г.), беспрестанно подвергаясь оскорблениям и притеснениям со стороны турецких властей.

Перед смертью он составил завещание, так называемое Китаб Ахди, текст и перевод которого были опубликованы А. Г. Туманским в Записках Восточного Отделения Русского Археологического Общества (т. VIII, 1892). В завещании этом он совершенно определенно назначил своим преемником и заместителем старшего сына (Гусн-и А'зам — Величайшую Ветвь) Аббаса-эфенди, прозванного Абд-ул-Беха. Однако, вопреки выраженной воле отца, второй сын Беха Улла, мирза Мухаммад Али (Гусн-и Акбар — Наибольшая Ветвь) не пожелал подчиниться брату и тем самым вызвал второй раскол в общине бехаи.

Опять повторилась прежняя картина: Абд-ул-Беха олицетворял собой прогрессивное течение, ибо сознавал необходимость дальнейшего развития учения для сохранения за ним жизнеспособности, — Мухаммад Али, напротив, стремился к консерватизму и придерживался буквального значения слов отца; хотя консерватизм этот, по всей вероятности, должен быть признан только внешним средством для поддержания авторитета, ибо в противном случае его непочтительное отношение к завещанию отца явилось бы совершенно непонятным. Впрочем, как и Субх-и Азаль, в широких кругах он поддержки не встретил и поэтому значения для истории бехаизма не имеет.

Вопрос об этом расколе вызвал как на Востоке, так и на Западе довольно обширную литературу, в особенности среди бехаи в Америке, где число приверженцев этого учения за последнее время чрезвычайно возросло. Однако большая часть этих книг широкой публике в Европе совершенно недоступна, и поэтому приходится весьма сожалеть, что один из лучших знатоков бехаизма английский проф. Э. Браун опубликовал в вышедшей в 1918 г. книге под названием *Materials for the Study of the Babi religion* полемический трактат одного из сторонников Мухаммада Али, некоего мирзы Джавада Казвини. Конечно, беспристрастность требует от ученого, чтобы он выслушал обе стороны, но появление в печати памфлета явно неправой стороны, при отсутствии документов, говорящих в пользу ее противников, создает весьма невыгодные для правой стороны предубеждения. Поэтому для нас особенно ценно то обстоятельное исследование, которое дает по этому вопросу Аварэ во II томе своей книги. Он посвящает ему отдельную главу (стр. 25 — 29) и производит приятное впечатление спокойным и ровным тоном своего рассказа. Если сравнить с его повествованием истерические выкрики Джавада Казвини, обвиняющего Абд-ул-Беха в самых гнусных злодеяниях и не подтверждающего обвинений ни единым фактом, сравнение выпадет далеко не в пользу сторонника Гусн-и Акбара. Хотя новейшая история бехаизма за годы мировой войны в Европе

¹⁾ Нужно отметить, что сторонники Субх-и Азала были весьма малочисленны, и значения эта ветвь не приобрела.

изучена довольно мало, но величавый образ Абд-ул-Беха известен почти каждому интересующемуся жизнью Востока человеку. Можно соглашаться с его учениями, или отвергать их, но чистота его морального облика выше каких бы то ни было подозрений. Человек, всю свою жизнь проведший в изгнании и притеснении, лишь к старости после введения в Турции конституции добившийся свободы и, тем не менее, никогда не помышлявший о своих собственных интересах, все силы отдававший на служение угнетенным и "нуждающимся" и неуклонно стремившийся к основной цели своего учения — исцелению человечества от шовинизма и расовой ненависти и установлению на земле всеобщего мира и братства народов, не может быть заподозрен в желании из личных побуждений и ради материальных выгод захватить власть в общине бехаи. Аварэ, говоря о годах войны, рисует прекрасную картину тех стараний, которые проявлял Абд-ул-Беха, заботясь о раненых, вдовах и сиротах, жертвах ослепления европейских государств. Национальные различия для него не существовали, всем он помогал одинаково, не различая ни мусульман, ни христиан, ни Востока, ни Запада. Английское правительство, желая вознаградить его за понесенные труды, пожаловало ему орден и титул „сэр“. Известно, какое значение имеет на Востоке такое отличие, но Абд-ул-Беха, хотя и принял его исключительно из вежливости, однако не воспользовался им, ордена не носил и титуловать себя запрещал. Книга Аварэ доводит повествование до самой смерти Абд-ул-Беха, последовавшей 28 ноября 1921 г., и дает подробное описание его похорон, состоявшихся в Хайфе при стечении величайшего множества народа всех вероисповеданий и всех наций. Заканчивается книга сообщением о последних распоряжениях Абд-ул-Беха, в силу которых дальнейшее руководство движением передается, за неимением сыновей, внуку покойного, Шоуки-Эфенди Раббани, сыну одной из дочерей Абд-ул-Беха, родившемуся в 1896 г. и получившему образование в Бейруте и Оксфорде.

Особенный интерес для русских представляет глава, посвященная отношению Абд-ул-Беха к Льву Толстому. Рассказав о том, как Толстой содействовал обращению в бехаизм кавказца Байрама, Аварэ сообщает, что устные предания и рассказы о сочувствии Толстого бехаизму его не удовлетворяли и что ему хотелось найти документы, которые могли бы пролить свет на отношение русского мыслителя к этому учению. Поиски его увенчались успехом, и ему удалось найти целый ряд писем на имя одного поселившегося на Востоке и перешедшего в бехаизм иезуита-француза, некоего Габриэля Саси, в которых упоминалось имя Толстого. Саси был знаком с Толстым и поддерживал с ним переписку и поэтому испросил разрешения Абд-ул-Беха послать ему перевод некоторых из важнейших бехаистских книг, к которым Толстой отнесся весьма сочувственно и благосклонно. Аварэ опубликовал три письма Абд-ул-Беха на арабском языке на имя Саси; вот небольшие выдержки из этих писем, относящиеся к Толстому:

„А то, что ты писал мне относительно графа Толстого, что он стремится к благу всего человечества, это правда. Однако он не идет по пути, ведущему к осуществлению этих надежд: он закружился в водовороте политики и теорий и забудился в песках построенных... Он думал, что благодаря этим несовершенным средствам будет возможен прогресс и успех для духа и тела. Такие пожелания были у многих философов прошлого...“

„...Но вы пошлите этому славному мужу перевод посланий Ишракат, Теджаллат и Бешарат ¹⁾ и скажите ему, что бехаи основывают учение на Китоаб-и Акдас святейших учениях, которые были начертаны светлейшим пером и достигли слуха друзей из уст Беха...“ „...А затем скажи этому почтенному мужу. Поистине,

Запад уже много веков устремляется на Восток пехотой и конницей своей, донные и непрерывно, и этот натиск будет производиться всеми силами его непрерывно до дня воскресения, и ты увидишь, как несметные полчища ринутся словно львы из лесов Запада на равнины Востока. Среди них полчища капиталистов, и полчища техников, и полчища купцов, и полчища политиков, и полчища ученых, и полчища археологов, и кровожадные войска, которые ринутся с Запада с режущим оружием и будут завоевывать все страйы Востока. •Таковы последние завоевания в Китае, и Восток никогда не сможет противиться этим нападающим полчищам и могучим, кровожадным войскам. Мудрец понимает последствия сего великого дела и не нуждается в доказательствах этого. И вот, о преславный муж, признай последствия таких дел, — полагаешь ли ты, что Восток в будущем сможет защититься от натиска Запада путем предусмотрительности, приготовления и приспособления, и если бы даже все это достигло крайнего совершенства? Нет, клянусь милосердным господом!»

Далее Абд-ул-Беха излагает свои мысли относительно того, как он представляет себе возможность защиты для Востока. К сожалению, размер статьи не позволяет привести все это крайне интересное место полностью. Помимо исторического обзора книга Аварэ дает еще небольшой очерк основных положений бехаизма, часть которых можно было бы охарактеризовать терминами, играющими столь большую роль в жизни современности: пацифизм, интернационализм и равноправие женщин.

Проф. Э. Браун в своих работах по бабизму и бехаизму весьма справедливо отмечает, что хотя в данном случае учения бехаи и совпадают с господствующими в данное время на Западе политическими стремлениями, но побудительные причины их коренятся в совершенно другой области; он полагает, что победа бехаизма над исламом, быть может, и не даст Востоку того благоденствия, на которое надеются последователи этого учения.

Нет сомнения, что бехаи пришли к своим конечным выводам иным путем, нежели европейцы. Но, мне кажется, в этом и кроется залог жизнеспособности бехаизма. Всем известна склонность восточных народов к эксклюзивизму, к стремлению считать себя избранным народом, а остальных презирать и ненавидеть, будь ли то на религиозной, или на национальной почве. Преодолеть эту характерную черту внесением учения с Запада едва ли возможно. Востоку именно и надо, чтобы учения эти зародились в его лоне, сложились органически, под давлением исторической необходимости, — так, как это совершилось на Западе; только тогда эти учения могут рассчитывать на успех, могут со временем стать могучим фактором в культурном развитии, каким несомненно суждено стать бехаизму.

Можно было бы извлечь много интересных замечаний из сообщаемой Аварэ истории распространения бехаизма в Америке, но в заключение я скажу только несколько слов о значении этой книги. Литература по бехаизму на Западе и Востоке в настоящее время уже насчитывает большое количество томов, среди которых надо отметить такие серьезные труды, как ряд книг проф. Э. Брауна и издания бабидских сочинений нашего арабиста проф. В. Р. Розена. Однако, несмотря на все это обилие, книге Аварэ все-таки придется отвести почетное место среди этой литературы. Если принять во внимание, что даже западным востоковедам, стоящим в стороне от этого могучего движения, не всегда удавалось сохранить спокойствие и беспристрастность, приходится удивляться тому невозмутимому тону хроники, который господствует в этой книге. Конечно, недочеты в ней есть, и их и не может не быть, ибо слишком свежи все события, — травля бехаи со стороны мусульманского духовенства не прекратилась, а только приняла новые, более изощренные формы.

При настоящем положении вещей, конечно, писать историю бехаизма дело крайне трудное и ответственное. Поэтому не только самим бехаи, но всем друзьям Востока на Западе надо принести глубочайшую благодарность мирзе Абд-ул-Хусейну за его самопожертвование и геройски выполненную работу, которая в дальнейшем будет служить одним из важнейших документов для всех ориенталистов. Это значение учитывает и сам автор, ибо в первом томе говорит, что старался сдерживать красноречие и писать возможно более простым и безыскусственным языком, дабы облегчить задачу тому, кто пожелает перевести эту книгу на какой-нибудь из европейских языков. Впрочем, это стремление к простоте оказалось не в ущерб стилю, напротив, язык книги от этого только выиграл: не гонясь за излюбленными метафорами и не загромождая речи синонимами, Аварэ дает прекраснейший образчик современного литературного языка, классический по своей простоте и ясности. Помещенные в тексте стихотворные отрывки обнаруживают в авторе и недюжинный поэтический талант. Внешне книга издана превосходно и ни в чем не уступает европейским изданиям. Ценность ее еще усугубляется обилием иллюстраций, дающих портреты наиболее видных деятелей и снимки исторических мест бехаизма. Правда, некоторые из иллюстраций вышли довольно расплывчато, но такова судьба иллюстраций в тексте, отчетливость достигается только отпечатанием на отдельных листах и лучшей бумаге, что по техническим причинам не всегда возможно. Общее впечатление, производимое книгой, не оставляет возможности при данных условиях желать лучшего.